Р. 57.
37 г.

Новыя открытія въ исторіи Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

I. Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и Земскій соборъ 1648—1649 года. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 5 ноября 1879 г. доцентомъ университета, докторомъ государственнаго права *Н. П. Загоскинымъ*. Казань 1879 г.

II. Сборникъ Археологическаго института, кн. вторая. Издана подъ редакціей *Н. В. Калачова*. Спб. 1879. *(Поѣздка слушателей института въ Москву).*

Неутомимый писатель по исторіи русскаго права Н. П. Загоскинъ въ одномъ минувшемъ году подарилъ нашей наукѣ три изслѣдованія. Съ однимъ изъ нихъ (имѣющемъ видъ брошюры) и особенно интереснымъ спѣшимъ ознакомить нашихъ читателей и слушателей теперь, сопоставляя его съ другимъ изслѣдованіемъ по тому же самому предмету, совершоннымъ въ тоже самое время, но совершенно независимо, въ Москвѣ слушателями института Н. В. Калачова.

Нужно замѣтить, что выводы, къ которымъ одновременно пришли и въ Москвѣ и въ Казани, почти тождественны. Такое совпаденіе предмета работы и результатовъ ея, поразительно и напоминаетъ случаи (впрочемъ несравненно бо́льшей важности), когда разныя изобрѣтенія и открытія были оспариваемы другъ у друга разными лицами и государствами. Идеи носятся въ воздухѣ. Въ нынѣшнемъ воздухѣ Россійскаго государства носятся археологическія идеи; повсюду изъ раскопанныхъ кургановъ пахнетъ тысячелѣтнею сыростію; изъ встряхиваемыхъ архивовъ идетъ почтенная вѣковая пыль. Работа далеко не без-

плодная; она если и не обогатитъ науки и жизни руководящими и зиждительными понятіями, то приведетъ къ точному уясненію нѣкоторыхъ фактовъ, которыми воспользуются изслѣдователи иныхъ временъ.

Въ частномъ примѣрѣ, факты, относящіеся къ составленію и первоначальному изданію Уложенія, донынѣ опубликованные, не достаточны для надлежащаго рѣшенія вопросовъ объ этомъ предметѣ, а давно извѣстные недостаточно изслѣдованы. Какъ составлялось Уложеніе, при помощи ли выборныхъ членовъ Земскаго собора, или безъ нихъ? Когда окончено составленіе Уложенія, а вмѣстѣ и дѣятельность собора? Когда напечатано Уложеніе въ первый разъ и одинъ ли разъ оно печаталось при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ? Нѣсколько отличій въ дошедшихъ до насъ экземплярахъ Уложенія изд. XVII в. составляютъ ли признакъ отдѣльныхъ изданій? Сходенъ ли текстъ первопечатнаго Уложенія (и послѣдующихъ изданій) съ подлинникомъ его хранящимся въ Москвѣ въ Государственномъ Древлехранилищѣ и если есть отмѣны, то кто и что тому причиною?

„Рѣчь“ г. Загоскина имѣетъ въ виду всѣ эти вопросы и старается разрѣшить ихъ при помощи соображеній и немногихъ экземпляровъ изданія Уложенія XVII в,, бывшихъ въ рукахъ у автора. Само собою разумѣется, что въ Казани онъ не могъ имѣть въ рукахъ ни подлинника Уложенія, ни другихъ документовъ, относящихся къ дѣлу. За то справедливость требуетъ сказать, что и при помощи такихъ средствъ, авторъ успѣлъ сдѣлать довольно.

Нужно знать, что онъ не въ первый разъ берется за этотъ предметъ. Въ первомъ томѣ своей „Исторіи права Московскаго государства“ (съ которымъ мы своевременно знакомили читателей) онъ разрѣшалъ тѣже вопросы, но не съ такою внимательностію и потому съ меньшею основательностію. Нынѣ въ своей „Рѣчи“ онъ добросовѣстно сознается, что „долженъ былъ, хотя и не безъ нѣкотораго ущерба для своего самолюбія, взять назадъ многое изъ того, что было высказано мною по отношенію къ исторіи Уложенія всего два года назадъ“ (стр. 79—80). Мы видимъ здѣсь не ущербъ для его самолюбія, а обстоятельство, дѣлающее ему честь.

I.

Исторія составленія Уложенія представляетъ единственный случай для рѣшенія вопроса о правѣ участія въ законодательной дѣятельности Московскаго государства Земскихъ соборовъ. Судебникъ великокняжескій 1497 г. изданъ до возникновенія Земскихъ соборовъ (при участіи одной Боярской думы). Судебникъ царскій 1550 г. явился уже въ эпоху Земскихъ соборовъ, но въ самомъ началѣ ея (около 2 лѣтъ спустя послѣ перваго собора, когда права́ соборовъ очевидно не опредѣлились). Но хотя онъ изданъ также при помощи одной Боярской думы, однако утвержденъ на соборѣ 1551 г. смѣшаннаго (церковно-государственнаго) состава. Уложеніе издано при участіи собора въ самое цвѣтущее время Земскихъ соборовъ, а потому исторія составленія его есть первая и послѣдняя проба правъ и значенія соборовъ въ дѣлѣ законодательства.

Всѣ, писавшіе объ Уложеніи и всѣ занимавшіеся исторіею Земскихъ соборовъ, касались этого вопроса; но бо́льшая часть ихъ приходила къ выводу о пассивности роли земскихъ выборныхъ 1649 г. въ дѣлѣ объ Уложеніи. Лишь нѣкоторые, въ томъ числѣ В. И. Сергѣевичъ и за нимъ Н. П. Загоскинъ (въ своей „Исторіи Права“ т. I) старались документально подкрѣпить противоположную мысль, т. е. ту, что выборные чины собора принимали активное участіе въ дѣлѣ утвержденія кодекса. Нынѣ, въ своей „Рѣчи“ Н. П. Загоскинъ снова и съ бо́льшею внимательностію останавливается на томъ же вопросѣ (стр. 28—62), но въ сущности подтверждаетъ и развиваетъ сказанное въ его „Исторіи“ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, въ которыхъ „Рѣчь“ исправляетъ „Исторію“). Сущность же дѣла состоитъ въ томъ, что земскіе чины участвовали въ *составленіи* Уложенія, именно въ тѣхъ частяхъ его, которыя возникли *вновь*, участвовали преимущественно посредствомъ *петицій*.

Что касается до участія въ *составленіи* закона, то слѣдуетъ помнить, что никакія представительныя собранія обыкновенно къ тому не призываются. Составляется проектъ закона раньше, и въ данномъ случаѣ для того назначена была особая коммиссія еще съ 16 іюля (а засѣданія собора начались съ 3 окт.). Нашъ авторъ не признаетъ, какъ извѣстно, за соборами никакого законодательнаго значенія, и настаиваетъ только на этой послѣдней сторонѣ дѣла, спасая по крайней

мѣрѣ честь соборовъ, какъ собраній активныхъ и отвергая мысль о нихъ, какъ пассивной аудиторіи. Это ему удается до нѣкоторой степени. Въ „Исторіи права“ онъ, вслѣдъ за К. Д. Кавелинымъ, призналъ, что въ Уложеніи есть до 17 статей, изданныхъ „при участіи“ выборныхъ и сверхъ того, въ слѣдъ за В. И. Сергѣевичемъ, присоединилъ къ тому нѣсколько статей, возникшихъ по челобитнымъ, т. е. *по иниціативѣ* выборныхъ. Въ „Рѣчи“ онъ значительно расширилъ этотъ списокъ и говоритъ: „Въ окончательномъ результатѣ получаемъ мы 82 статьи, размѣщенныхъ въ восьми главахъ, о которыхъ можно несомнѣнно утверждать, что онѣ составлены были при участіи выборныхъ людей Земскаго собора 1648—49 г., что составляетъ почти 8,5% общаго количества статей Уложенія“ (стр. 56). Остановимся сначала на *иниціативѣ* выборныхъ собора. Важнѣйшія изъ узаконеній изданныхъ по челобитью выборныхъ слѣдующія: 30 октября 1649 г. выборные всѣхъ классовъ (служилыхъ и тяглыхъ) просили объ устройствѣ отношеній въ городахъ между служилыми и посадскими людьми. Челобитная уважена 13 ноября и приведена въ исполненіе не дожидаясь общаго утвержденія Уложенія, въ которое и вошелъ вызванный ею законъ (именно бо́льшая часть XIX гл. о посадскихъ людяхъ). Потомъ выборные всѣхъ чиновъ, кромѣ духовенства, просили о воспрещеніи церковнымъ установленіямъ вновь пріобрѣтать имѣнія (что дѣлалось вопреки закону 1580 года). И эта просьба уважена и законъ въ этомъ смыслѣ включенъ въ XVII главу Уложенія (ст. 42). Затѣмъ опять по челобитью выборныхъ людей возникъ монастырскій приказъ и глава о немъ въ Уложеніи (XIII-я). Наконецъ по челобитью служилыхъ людей уничтожена давность по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ (XI гл. 1 и 2 ст.).

Послѣдній примѣръ показываетъ, что право челобитій не есть только право собора, но право всѣхъ свободныхъ лицъ и классовъ, осуществляемое ими и независимо отъ собора: служилые люди били челомъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ до соборныхъ засѣданій, до 3 окт., какъ били они о томъ же челомъ и вовсе безъ собора въ 1645 году.

Отсюда г. Загоскинъ и другіе слѣдующіе тому же методу указанія на дѣятельную роль соборовъ, могли бы убѣдиться, что въ существѣ право петицій не относится къ соборамъ, не есть характерная функція этихъ послѣднихъ. Слѣдуетъ помнить, что право петицій отличается отъ законодательной иниціативы, которая принадлежитъ

только законодательнымъ собраніямъ и состоитъ въ правѣ вносить проекты новыхъ законовъ не посредствомъ прошеній. Но о такой иниціативѣ не говоритъ и не можетъ говорить г. Загоскинъ, отвергающій законодательное значеніе соборовъ.

Что касается до *участія* собора въ составленіи *новыхъ* законовъ, то г. Загоскинъ видитъ въ этомъ главную роль собора, будто бы именно указанную ему верховною властію. Онъ говоритъ, якобы на основаніи предисловія къ Уложенію, что „царскій указъ объ изданіи Уложенія намѣтилъ выборнымъ людямъ извѣстную долю активнаго участія въ составленіи этого законодательнаго памятника, *именно по отношенію къ разрѣшенію* выдвинутыхъ жизнію *новыхъ законодательныхъ вопросовъ*, не нашедшихъ себѣ опредѣленія въ предшествовавшемъ законодательствѣ,—разрѣшить которые было указано „общимъ совѣтомъ“ (стр. 37). Но въ томъ же предисловіи къ Уложенію указана другая болѣе значительная роль для Земскаго собора и не по отношенію къ однимъ только новымъ статьямъ, роль, которую мы обозначимъ ниже и которую вовсе игнорируетъ авторъ. Да и въ самомъ дѣлѣ странно: почему верховная власть признавала соборную дѣятельность полезною только при рѣшеніи новыхъ вопросовъ, какъ будто бы прежнее законодательство вовсе не подлежало пересмотру, т. е. измѣненіямъ, дополненіямъ или отмѣнамъ. Населеніе во всякомъ случаѣ лучше можетъ судить о пользѣ или вредѣ испытанныхъ законовъ, чѣмъ о достоинствѣ проектируемыхъ.

Основавшись на этой (скажемъ невѣрной) мысли, авторъ находитъ и способъ (опять невѣрный) опредѣлить мѣру участія собора въ законодательствѣ. Если соборъ призванъ къ обсужденію новыхъ статей, то стóитъ только отыскать въ Уложеніи эти новыя статьи. А отыскать ихъ ему (и его предшественникамъ) казалось легко: на подлинникѣ Уложенія неизвѣстно кѣмъ (вѣроятно редакторами) противъ *нѣкоторыхъ* статей отмѣчены ихъ источники,—напр.: „изъ Литовскаго“ и пр., а противъ нѣкоторыхъ отмѣчено, что онѣ новыя. Отмѣтокъ послѣдняго рода (по описи, сообщенной г. Забѣлинымъ)—17. Итакъ соборъ участвовалъ въ составленіи 17 новыхъ статей (которыя и перечисляются). Но во первыхъ совершенно дознано, что отмѣтки на подлинникѣ далеко не указываютъ источниковъ всѣхъ статей; напр. заимствованныхъ изъ Литовскаго статута по этимъ отмѣткамъ—только 69, а при повѣркѣ оказалась заимствованною изъ статута почти вся первая часть

Уложенія (семь главъ), потомъ глава XXII-я и много статей въ прочихъ. Во вторыхъ есть полная возможность отдѣлить новый матеріалъ Уложенія отъ матеріала, даннаго предшествующею законодательною дѣятельностію (нынѣ уже въ значительной степени опубликованнаго); напр. легко сличить главу XXI уложенія о разбойныхъ и татиныхъ дѣлехъ съ уставною кн. разб. приказа (что́ мы разъ уже рекомендовали г. Загоскину); тогда бы тотчасъ оказалось, что можетъ быть въ одной этой главѣ найдется болѣе 17 новыхъ статей.

Наконецъ самъ авторъ „Рѣчи“ представляетъ намъ одинъ примѣръ „участія“ собора въ составленіи цѣлой главы Уложенія (гл. VIII—объ искупленіи плѣнныхъ), о которой ни въ ней самой, ни въ подлинникѣ не отмѣчено, какъ о новой; однако изъ другихъ источниковъ (А. И. т. IV, № 43) „обнаруживается, что постановленія этой главы уложены по совмѣстному совѣщанію государя съ патріархомъ, освященнымъ соборомъ, боярами и думными людьми и всякихъ чиновъ съ выборными людьми“ (стр. 52).

Но пусть такъ; пусть *объемъ* законодательной дѣятельности собора такъ минималенъ, что онъ призванъ къ обсужденію только 17 статей, да еще одной главы (въ 7 статей). Для насъ гораздо важнѣе *свойство* его законодательной дѣятельности. Что означаетъ это участіе собора въ разрѣшеніи новыхъ вопросовъ? Требовалось ли по этимъ статьямъ (а быть можетъ по цѣлому проекту) мнѣніе выборныхъ или рѣшеніе.

Здѣсь мы касаемся вѣчно туманнаго вопроса о различіи совѣщательныхъ учрежденій отъ законодательныхъ. Обыкновенно, видятъ въ нихъ два явленія противоположныхъ. Что логически между ними большая разница—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Первыя выражаютъ мысль, вторыя—волю. Но есть ли такая противоположность между ними въ исторической послѣдовательности развитія? Сразу ли являются законодательныя собранія со всѣми свойствами законодательныхъ? Историческій опытъ учитъ, что законодательныя собранія развиваются изъ совѣщательныхъ, что лишь самою историческою дѣятельностію фактъ совѣщаній превращается въ право (обычай и наконецъ законъ). Шли ли по тому же пути и наши соборы? И далеки ли были они отъ этой цѣли въ эпоху составленія Уложенія? Такіе вопросы были бы вполнѣ *историческими*; для исторіи рѣшеніе ихъ было бы весьма полезно, тогда какъ примѣненіе теоретическихъ признаковъ совѣщательнаго или

законодательнаго учрежденія къ Земскимъ соборамъ вообще совершенно безплодно.

Земскіе соборы прожили довольно долгую жизнь (болѣе столѣтія) и въ это время бывали соборы, созываемые для совѣщанія (напр. 1569 г.), даже и не для совѣщанія, а для выслушанія только заявленій правительства (соборъ 1548 г.); но всѣмъ извѣстно, что были соборы, созываемые именно для рѣшенія; таковы всѣ избирательные соборы; но сюда же относятся соборы XVII в. по вопросамъ о наложеніи новыхъ податей. Въ одномъ изъ заявленій такому собору (1634 г.) государь жалуется, что хотя прошлый соборъ и рѣшилъ взиманіе 5-й деньги, но плательщики вносили ее не сполна, не по „*соборному уложенію*," и проситъ чиновъ собора: „и вамъ бы.... дать денегъ....; а то ваше нынѣшнее прямое даяніе пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу; государь то ваше вспоможеніе учинитъ памятно и николи же не забытно и впредъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ." Соборъ, посовѣтовавшись, рѣшилъ „денегъ дадутъ, что кому мочно дать." Это было 8 января, а 4 февраля государь указалъ: „тѣ деньги.... со всякихъ людей сбирать."—Не ужели это только совѣщательная роль?

Рѣшеніе вооросовъ о войнѣ (напр. 1637 г.) излагалось такъ: „Мы, великій государь, приговорили на соборѣ." Не очень ли близко и здѣсь соприкасается выраженіе мысли съ выраженіемъ воли?

Подступая съ этими вопросами къ Уложенію, изслѣдователи имѣли много шансовъ опредѣлить роль собора 1648—49 г. не только не съ точки зрѣнія Строева, но и не съ точки зрѣнія г. Загоскина. *Соборное уложеніе* не потому только „соборное," что соборъ разсмотрѣлъ 17 статей, одну главу и билъ челомъ о трехъ новыхъ законахъ.

Представительныя собранія призываются къ разсмотрѣнію и *утвержденію* составленнаго проекта. Если проектъ во всѣхъ частяхъ совершенно удовлетворителенъ, то законодательствующее собраніе можетъ принять его безъ всякихъ измѣненій, не рискуя чрезъ то прослыть собраніемъ пассивнымъ, лишеннымъ законодательнаго значенія. Поэтому нашему автору не зачѣмъ было полемизировать съ Строевымъ, именно въ томъ, что, по соображеніямъ этого послѣдняго, соборъ принялъ безъ измѣненія и дополненія весь проектъ уложенія. Гораздо ближе велъ бы къ цѣли правильный отвѣтъ на вопросъ: для чего верховная власть собирала выборныхъ въ 1649 году? Отвѣтъ на этотъ

вопросъ (не тотъ, который извлекъ изъ предисловія къ Уложенію г. Загоскинъ, а вѣрный) указалъ бы намъ воззрѣніе самой тогдашней верховной власти на значеніе Земскихъ соборовъ, а это почти замѣняло бы намъ (отсутствующій) законъ о правахъ Земскихъ соборовъ, ибо и по мысли тѣхъ, кто не признаетъ никакого значенія за Земскими соборами, воля государя составляла законъ. На этотъ вопросъ удовлетворительно отвѣчаетъ самое предисловіе къ Уложенію такъ: „А для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ государь (по совѣту съ патріархомъ и по приговору Думы) выбрать.... добрыхъ и смышленыхъ людей, *чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить*, чтобы тѣ, всѣ великіе дѣла, по нынѣшнему его государеву указу *и соборному уложенію*, впредь были ничѣмъ не рушимы.“

Послѣ этого соборъ могъ не составить вновь ни одной статьи а тѣмъ не менѣе сохранить величайшее значеніе въ дѣлѣ законодательства.

Таковъ важнѣйшій вопросъ, вновь затрогиваемый г. Загоскинымъ.

II.

Въ то же самое время, но совершенно независимо отъ работъ Казанскаго ученаго въ Петербургскомъ археологическомъ институтѣ, директоръ его Н. В. Калачовъ лекціями объ Уложеніи возбудилъ въ своихъ слушателяхъ мысль о порядкѣ составленія и первоначальнаго изданія уложенія царя Алексѣя Михайловича. Тамъ предположено даже первое научное изданіе этого кодекса, а въ видѣ приготовленія къ нему предпринята слушателями института поѣздка въ Москву для изслѣдованія документовъ, относящихся къ вопросу о составленіи и первоначальномъ изданіи Уложенія. Поѣздка повела къ слѣдующимъ открытіямъ: найдена въ библіотекѣ Синодальной типографіи, между бумагами бывшаго печатнаго двора (по указанію г. Викторова) расходная книга съ записью расходовъ по печатанію Уложенія въ 1649 году. Въ ней между прочимъ означено: „а вышло изъ дѣла изъ печати противъ заводу 1200 книгъ (экземпляровъ) *въ нынешнемъ же во 157 году маия въ 20 день*.“ Это самое важное, и какъ увидимъ ниже единственное открытіе, совершенное петербургскою экскурсіею въ Москву.

Изслѣдователи справедливо утверждаютъ, что „уложеніе начато печатаніемъ 7 апрѣля, а окончено 20 мая 1649 года," что такимъ образомъ „подрывается общераспространенное мнѣніе, что уложеніе окончено печатаніемъ 29 января 1649 года," мнѣніе, основывавшееся на послѣсловіи къ Уложенію: „совершена сія книга.... лѣта 7157 генваря въ 26 день," что наконецъ „29 января уложеніе закончено не печатаніемъ, а составленіемъ или редакціей" (Сборн., стр. 11). При этомъ институтскихъ археологовъ смущаетъ только одно обстоятельство, а именно то, что въ приведенномъ послѣсловіи говорится о совершеніи *книги;* подлинникъ же Уложенія, подписанный соборными чинами, никогда не называется книгою, а спискомъ; для устраненія этого затрудненія, они строятъ предположеніе, что въ упомянутой припискѣ говорится „*о черновой книгѣ,* съ которой написанъ былъ уложенный столбецъ, и что послѣсловіе этой книги вошло въ рукописный свитокъ" (ibid. прим. 6). Съ послѣднею гипотезою уже отнюдь нельзя согласиться, т. е. никакой возможности нѣтъ допустить, чтобы свитокъ подлинника Уложенія былъ списанъ съ прежде написанной *книги.* Способъ составленія и утвержденія этого памятника требовалъ именно написанія его на столбцахъ, а не въ книгѣ, такъ какъ при измѣненіи или дополненіи текста проекта легко было выкинуть или вклеить новый столбецъ въ свитокъ. Притомъ же, какая причина могла заставить сохранить въ свиткѣ слово „книга," когда приходилось измѣнять существенное въ послѣсловіи, именно—дату? Или можетъ быть розыскатели предполагаютъ, что черновая книга закончена 29 января? Но тогда окончаніе редакціи Уложенія и подписаніе подлинника должны быть отнесены ко времени гораздо позднѣйшему 29 января; а на такое предположеніе не даютъ намъ права никакія современныя извѣстія. Остается признать, что книгою названъ кодексъ, а не форма вещества, на которомъ онъ написанъ; такъ называется онъ и въ другихъ источникахъ; напр. въ 1649 г. гости жаловались царю на дьяковъ Ѳ. Грибоѣдова и Г. Леонтьева, которые „написали ихъ въ *уложенной книгѣ* послѣ всѣхъ чиновъ людей" (П. С. З., № 247; Сборн. Арх. Ин., стр. 10). Сколько намъ извѣстно, гости написаны ниже дьяковъ и въ подлинномъ свиткѣ Уложенія.

Такимъ устраненіемъ неловкой гипотезы, какъ само собою очевидно, лишь подтверждаются основные выводы институтскихъ археологовъ, выводы, касающіеся времени составленія и изданія Уложенія.

Сдѣлаемъ только оговорку на счетъ *новости* сдѣланнаго открытія. Открытіе расходной книги печатнаго двора, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе терминовъ начала и конца печатанія Уложенія въ 1649 году есть дѣйствительная новость. Но мысль о томъ, что слова приписки о 29 январѣ, какъ времени совершенія Уложенія, относятся къ окончанію редакціи Уложенія, а не къ концу печатанія его—отнюдь не новость. Давно замѣчено было, что отъ января 1649 г. разосланы были указы съ содержаніемъ, взятымъ изъ Уложенія (о посадскихъ людяхъ, о бѣглыхъ крестьянахъ). Еще Энгельманъ („О давности") замѣтилъ, что указъ 2 января 1649 г. объ уничтоженіи иска о бѣглыхъ крестьянахъ не заимствованъ изъ Уложенія, а вошелъ въ Уложеніе. Эту же мысль намъ приходилось повторять по поводу законовъ о давности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ (см. нашей Христоматіи по ист. Русск. пр. вып. III, 1875 г., стр, 165). Слѣдовательно и въ печати уже давно выражена мысль, что Уложеніе не могло быть издано 29 января, если въ январѣ обсуждаемы были новые законы, вошедшіе въ него. Всякій, сколько нибудь внимательно занимавшійся вопросомъ объ Уложеніи, тотчасъ и безъ открытія новыхъ документовъ, приходилъ къ той же увѣренности. Примѣромъ служитъ г. Загоскинъ, который писалъ свою рѣчь одновременно съ тѣмъ, какъ дѣйствовали въ Москвѣ петербургскіе археологи, пришелъ къ той же мысли, отнюдь не зная о ихъ находкахъ въ Синодальной типографіи и выразилъ ее съ полною доказательностію и убѣдительностію: „Печатаніе уложенія *не могло* окончиться къ 29 января 1649 г. Соборная сессія, а слѣдоват. и подписаніе выборными людьми уложеннаго столбца, не могла окончиться ранѣе конца декабря, а быть можетъ перенесена была и на январь. Но допустивъ первое предположеніе, принявъ затѣмъ въ соображеніе наступившіе праздники и время необходимое для переписанія уложеннаго столбца въ книгу,—мы получили бы для напечатанія уложенія срокъ черезъ чуръ уже короткій. Но что положительнымъ образомъ противорѣчитъ предположенію о напечатаніи уложенія въ янв. 1649 года—это грамоты съ выписками изъ него, разосланныя въ январѣ и февралѣ 1649 г. Если въ январѣ уложеніе уже набиралось и предвидѣлась возможность выпуска его изъ печатнаго двора къ 29 января,—какая могла быть цѣль разсылки выписокъ изъ него, въ родѣ напр. цѣлой XIX главы? Ясно, что въ январѣ 1649 г. еще не приступали къ его печатанію"... (стр. 64).

Но если замѣчанія г. Загоскина уничтожаютъ въ открытіи петербургскихъ археологовъ характеръ новости; за то у самаго г. Загоскина есть другое открытіе, которое также перестаетъ быть новостію, если сличить съ нимъ замѣчанія петербургскихъ археологовъ.

III.

Въ „Рѣчи“ объ Уложеніи г. Загоскинъ сдѣлалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ открытіе, хотя болѣе историко-литературнаго, чѣмъ историко-юридическаго характера. А именно. Хотя еще Сахаровъ, по словамъ самого разбираемаго нами автора, въ 1849 году, замѣчалъ въ экземплярахъ Уложенія, изданныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, признаки двухъ изданій его въ XVII в.; тѣмъ не менѣе г. Загоскинъ говоритъ: „Общепринятое *въ наукѣ исторіи русскаго права* мнѣніе, будто первымъ печатнымъ изданіемъ Уложенія 1649 г. является изданіе его въ царствованіе Алексѣя Михайловича церковно-славянскими буквами, а вторымъ С.-Петербургское изданіе его въ 1737 г. гражданскими буквами, совершенно не вѣрно. При ближайшемъ разсмотрѣніи различныхъ экземпляровъ *такъ называемаго* перваго изданія оказывается, что оно состоитъ *изъ двухъ*, въ короткое время одно за другимъ слѣдовавшихъ изданій....“ (стр. 66) и т. д.

У г. Загоскина было въ рукахъ три экземпляра Уложенія XVII в. Сличая ихъ между собою и съ изданіемъ 1737 года, онъ нашелъ, что два изъ этихъ экземпляровъ XVII в. совершенно сходны (по тексту) съ Уложеніемъ, напечатаннымъ въ XVIII в. (и перепечатаннымъ потомъ нѣсколько разъ), напротивъ третій во многомъ отличается отъ такого же изданія XVII в. (какъ и отъ всѣхъ послѣдующихъ). Эти отличія большею частью отмѣчены еще въ XVIII в., по всей вѣроятности Миллеромъ (когда онъ отыскалъ подлинникъ Уложенія по порученію императрицы Екатерины II) и напечатаны г. Забѣлинымъ въ 1850 г. (Арх. ист. юрид. свѣд. кн. I). Но Миллеръ сличалъ изданіе XVII в. съ изданіемъ 1737 г., а не два изданія XVII в. Нынѣ г. Загоскинъ убѣдился, что всѣ эти варіанты возникли еще въ изданіяхъ XVII в. Отличія касаются какъ внѣшней типографской стороны дѣла, такъ и внутренней—самого текста. Въ первомъ отношеніи различенъ переносъ текста съ одной строки на другую, различны заставки и пр. Въ текстѣ разница простирается на грамматическія формы

(въ одномъ неопредѣленныя наклоненія глаголовъ вездѣ на *ти*, въ другомъ на *ть*) и на самое содержаніе. Самыя интересныя отличія, отмѣченныя Миллеромъ, а теперь повторенныя г. Загоскинымъ, представляетъ 25-я ст. X-й главы, въ которой указываются неприсутственные дни въ году. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Уложенія здѣсь дѣйствительно исчислены только дни безо всякой прибавки; такъ и въ одномъ рядѣ экземпляровъ изданія XVII в. Но за то въ другихъ экземплярахъ изданія того же вѣка къ простому исчисленію дней для цѣлей процесса сдѣланы неожиданныя и не идущія къ дѣлу прибавки; напр. „Первая недѣля великого поста *отнюдь не пити.*“ Страстная недѣля такожъ; *а въ четвертокъ великій въ баняхъ не париться.*“ „Да въ Петровъ постъ во многихъ городѣхъ, заговѣвъ, въ первой понедѣльникъ бѣсятся и играютъ,—и то искоренить проклятое дѣло“ и т. п.

Отсюда г. Загоскинъ дѣлаетъ выводъ, что въ XVII в. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлано было не одно, *а два изданія* послѣдовательныхъ одно за другимъ и раздѣленныхъ одно отъ другаго временемъ отъ 3 до 5 лѣтъ, что второе изданіе намѣренно старалось стереотипно повторить первое, „замаскеровать“ себя, поддѣлаться подъ первое (шрифтомъ и проч.).

Для чего потребовалось замаскированное второе изданіе съ измѣненіями? На счетъ этого г. Загоскинъ строитъ двѣ различныхъ догадки. За первую онъ стоитъ больше и, высказывая ее, говоритъ „врядъ ли ошибемся.“ Она состоитъ въ слѣдующемъ: Алексѣй Михайловичъ велѣлъ перепечатать Уложеніе, уступая нападкамъ патріарха Никона на этотъ кодексъ, который онъ, какъ извѣстно, называлъ „богопротивнымъ,“ „богоборнымъ“ и „сборникомъ неправды и беззаконія.“— Но едвали найдется ученый, который согласится съ этою догадкою. Извѣстно, что̀ именно не нравилось Никону въ Уложеніи: не нравился ему монастырскій приказъ, не нравилось запрещеніе церковнымъ установленіямъ пріобрѣтать вновь имѣнія. Что же? Выброшены ли эти постановленія въ „исправленномъ“ Уложеніи? Отнюдь нѣтъ. Выброшены, какъ мы видѣли, странныя прибавки къ указанію неприсутственныхъ дней,—прибавки, если и противныя логикѣ, то не противныя интересамъ церкви („на игрища не ходить,“ не бѣсноваться, не играть, не пить).

Неужели такой умъ, какъ Никонъ, позволилъ бы себѣ удовлетвориться столь дѣтскою продѣлкою?

Другая догадка г. Загоскина еще менѣе состоятельна; она строится на предположеніи умышленной порчи текста Уложеннаго столбца при первоначальномъ печатаніи Уложенія. Печатнымъ дворомъ въ эпоху изданія Уложенія завѣдовалъ (по словамъ автора) бояринъ А. М. Львовъ. Извѣстно, что онъ, какъ ревностный приверженецъ старины (впослѣдствіи сосланный за расколъ въ Соловецкій монастырь), допускалъ умышленное искаженіе текста въ печатаемыхъ у него книгахъ. Если онъ такъ поступалъ и съ Уложеніемъ, то неудивительно, что вскорѣ понадобилось второе исправленное изданіе Уложенія, и притомъ замаскированное, „чтобы не возбудить по этому поводу толковъ“ (стр. 77). Впрочемъ, г. Загоскинъ съ полною добросовѣстностью прибавляетъ, что нужно „тщательное сличеніе текста подлиннаго уложеннаго столбца съ текстами двухъ первыхъ изданій. Если онъ окажется одинаковымъ съ первымъ неисправленнымъ изданіемъ, — съ памяти кн. Львова должно быть снято подозрѣніе.“ По нашему мнѣнію, и безъ сличенія текстовъ не слѣдовало бросать такого подозрѣнія на память князя Львова. Если онъ и вызвалъ его дознанными искаженіями текста *богослужебныхъ книгъ*, то, вѣдь, Уложеніе не богослужебная книга. Раскольничья привязанность къ старымъ текстамъ опирается на ихъ обрядовое и догматическое ученіе, а не на вражду къ новымъ грамматическимъ формамъ. Итакъ искаженіе текста со стороны князя Львова было бы безцѣльно. Далѣе, при печатаніи богослужебныхъ книгъ справщики были хозяевами изданій и, будучи старовѣрами, могли допускать и пропускать искаженія. При печатаніи Уложенія, справщиками очевидно не могли быть протопопы и попы, а разумѣется думные дьяки и дьяки редакціонной коммиссіи. Съ какою цѣлію они могли пропустить умышленныя искаженія старообрядческаго характера?

Сверхъ всего прочаго отнюдь ни откуда не видно, что печатаніемъ Уложенія распоряжался кн. Львовъ. Напротивъ, изъ дѣла между гостями и дьяками (приводимаго нами ниже) видно, что перепечаткою листовъ въ Уложеніи въ августѣ 1649 г. завѣдовалъ дьякъ Михаилъ Ерофѣевъ.

Наконецъ желаемое г. Загоскинымъ сличеніе текстовъ сдѣлано петербургскими археологами (и именно въ тѣ минуты, когда онъ выражалъ это желаніе). Сличеніе производилось весьма внимательно. Правда археологи института не опредѣляютъ точно—съ какимъ именно изданіемъ сличали они подлинный текстъ (по дальнѣйшимъ указаніямъ

видно, что въ ихъ рукахъ были экземпляры съ измѣненіями, произведенными уже законодательною властью, напр. съ извѣстными измѣненіями въ пользу гостей; но и г. Загоскинъ предполагаетъ, что такія измѣненія включены были уже въ самое первое изданіе Уложенія). Что же оказывается въ результатѣ сличенія текстовъ? 1) „Явныя исправленія описокъ, вкравшихся въ Уложенный столбецъ," напр. въ титулѣ патріарха опущено было слово: „святѣйшій." Сюда же изслѣдователи отнесли и измѣненіе 30 ст. X гл. По этой ст. за безчестье архіепископа или епископа полагается виновнаго посадить въ тюрьму. Такое же наказаніе предположено было въ подлинникѣ Уложенія и за безчестіе архимандрита Троицы Сергіева монастыря. Между тѣмъ въ ст. 32 именно опредѣляется наказаніе за безчестіе этого архимандрита, а именно денежный штрафъ въ сто рублей. Такое явное противорѣчіе должно было быть замѣченнымъ раньше печатанія Уложенія; оно и было замѣчено и противъ 30 ст. сдѣлана въ подлинникѣ помѣта: „по сей статьѣ *государева указу не чинить*: писано о томъ ниже сего сынными архимариты." Ясно, что это исправленіе сдѣлано не типографіею, а законодательною властію до печатанія Уложенія.—„2) Измѣненія, послѣдовавшія по волѣ верховной власти," въ частности относительно мѣстническихъ счетовъ гостей съ дьяками (о чемъ упомянемъ еще ниже), именно въ ст. 30, 83 и 158 X-й главы.—„3) Измѣненія, причина которыхъ намъ не извѣстна," а именно въ 25 ст. X гл., т. е. указанныя выше прибавленія къ списку неприсутственныхъ дней въ году, и въ ст. 10-й XIV гл. Весьма жаль, что петербургскіе археологи не ясно обозначили, находятся ли нелогичныя прибавки къ 25-й ст. X гл. въ подлинномъ спискѣ Уложенія или нѣтъ. Вотъ подлинныя слова ихъ: „прибавленія къ 25 ст. X гл. встрѣчаются только въ первомъ (майскомъ) изданіи." Повидимому надо думать, что въ подлинномъ спискѣ этихъ добавленій нѣтъ. Въ такомъ случаѣ это единственное измѣненіе подлиннаго текста, допущенное при первоначальномъ печатаніи Уложенія и не оправданное никакими распоряженіями верховной власти (извѣстными намъ). Всѣ же прочія, о которыхъ нынѣ заявлено намъ въ печати, совершены по яснымъ и извѣстнымъ предписаніямъ власти, а не по произволу типографщиковъ или контрфакціею кн. Львова. Между тѣмъ петербургскіе археологи, къ удивленію, заключаютъ свою рѣчь о разночтеніяхъ печатнаго текста и подлинника слѣдующимъ образомъ: „кто бы ни былъ виновникомъ исчисленныхъ

здѣсь перемѣнъ, тотъ фактъ, что текстъ закона, освященный земскимъ соборомъ, подвергся такимъ передѣлкамъ при первомъ же тисненіи, хорошо обрисовываетъ нравы московскихъ *приказныхъ законодателей*" (Сборн. стр. 19). Странно. Законодательная власть (разумѣемъ государя и думу) замѣчаетъ явныя противорѣчія въ законѣ и исправляетъ ихъ. Это произволъ приказныхъ законодателей? Гости жалуются государю на то, что ихъ поставили въ Уложеніи ниже всѣхъ, государь приказываетъ исправить. И это произволъ приказныхъ? И что разумѣютъ археологи подъ приказными законодателями? Они забыли, что законодательная власть принадлежитъ не одному земскому собору, а и государю и думѣ. Они забыли также, что прежде въ XVII в. вовсе не существовалъ принципъ о неизмѣняемости законодательной формы (текста), что издавались законы словесные, и данные на письмѣ но безъ догматической формы, и что именно Уложеніе представляетъ первый примѣръ стремленія къ узаконенію не только содержанія, но формы письменныхъ правовыхъ нормъ. Они упустили, наконецъ, изъ виду ими же самими найденную „опись поправкамъ" (изданную въ томъ же Сборникѣ, т. II, стр. 23 и слѣд.), въ который до мелочей обозначены всѣ подчищенныя и надписанныя буквы и слова въ подлинникѣ, съ точностью дѣловыхъ судебныхъ актовъ. Всѣ эти поправки и подчистки сдѣланы и оговорены въ подлинникѣ Уложенія до подписанія его выборными („до тѣхъ мѣстъ, какъ къ тому списку руки приложены"). При такой точности въ отношеніи къ тексту подлинника, есть ли какая либо вѣроятность, чтобы послѣ подписанія, произволомъ дьяковъ вставлены въ кодексѣ или выброшены изъ него цѣлые большіе тексты?

Заключаемъ: всѣ отличія подлиннаго текста Уложенія отъ первопечатнаго изданія его, должны быть оправданы прямыми распоряженіями верховной власти.

Во всякомъ случаѣ петербургскіе археологи приписываютъ измѣненія приказнымъ законодателямъ, что̀ имѣетъ хотя нѣкоторый видъ основательности, а не типографіи, не кн. Львову. *Злонамѣренныхъ* искаженій подлиннаго текста не оказывается [1]).

---

[1]) Вопросъ будетъ окончательно уясненъ, когда состоится обѣщанное научное изданіе Уложенія со всѣми варіантами.

Наше отступленіе въ область сличенія текстовъ подлинника и изданій Уложенія вызвано неудачными гипотезами г. Загоскина, построенными для подтвержденія его мысли *о двухъ* изданіяхъ Уложенія въ XVII в., что̀ и составляетъ новость въ его „Рѣчи.“

Прежде всего мысль о нѣсколькихъ изданіяхъ Уложенія при царѣ Алексѣѣ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться въ исторической литературѣ мыслію новою. Она не нова для всѣхъ тѣхъ, кто, имѣя въ рукахъ 1-й томъ Полнаго собранія законовъ, читалъ предисловіе къ этому тому. Тамъ стоитъ слѣдующее: „Изъ оружейной палаты полученъ подлинникъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ двухъ свиткахъ, изъ коихъ первый заключаетъ въ себѣ самое Уложеніе, а второй опись поправкамъ, сдѣланнымъ по перепискѣ онаго. Какъ Уложеніе, такъ и опись написаны въ столбцѣ. Съ сего столбца и съ описи поправокъ Уложеніе первоначально было напечатано славянскими буквами *въ трехъ изданіяхъ, съ означеніемъ въ каждомъ одного и того же 1649 г.* Съ сихъ изданій составлены всѣ послѣдующія, числомъ 13, гражданской печати. По сравненію оныхъ съ первыми открылись нѣкоторыя опечатки и даже отступленія; а посему и приняты основаніемъ для текста въ настоящемъ собраніи первоначальныя три изданія, яко вѣрнѣйшія и постояннымъ употребленіемъ *ихъ* въ присутственныхъ мѣстахъ утвержденныя“ (стр. XXI—XXII).

Итакъ еще со временъ Сперанскаго совершенно дознано было, что Уложеніе издано при Алексѣѣ Михайловичѣ *три раза*.

Такого же убѣжденія о тройственности изданій Уложенія въ XVII в. держатся и институтскіе археологи, укрѣпляясь въ немъ слѣдующими обстоятельствами. Прежде (въ Петербургѣ и въ Москвѣ) видѣли они „5 различныхъ экземпляровъ (старопечатнаго Уложенія), принадлежащихъ къ двумъ типамъ.“ Изъ нихъ одинъ экземпляръ, принадлежащій Академіи наукъ, они относятъ къ майскому, т. е. самому первому изданію Уложенія. Затѣмъ въ Москвѣ „16 іюля, разсказываютъ они, на Сухаревомъ рынкѣ пріобрѣтенъ былъ экземпляръ старопечатнаго Уложенія. Сильно поврежденный, со многими недостающими листами, онъ показался намъ однако не лишеннымъ значенія для разрѣшенія вопроса о числѣ старопечатныхъ изданій.... Послѣ бѣглаго сличенія, пріобрѣтенный экземпляръ оказался совершенно отличнымъ отъ видѣнныхъ нами. Такимъ образомъ мы могли убѣдиться, заключаютъ они, что первопечатныхъ (?) изданій Уложенія было *не менѣе трехъ*.“ (Сборн.,

стр. 12). Здѣсь въ словахъ институтскихъ археологовъ опять нѣкоторая неточность: они видѣли до того времени пять *различныхъ* экземпляровъ, принадлежащихъ къ двумъ *типамъ*. Значитъ ли это, что всѣ пять экземпляровъ были различны (въ типографскомъ отношеніи и по тексту), но лишь принадлежали къ двумъ типамъ, т. е. два или нѣсколько изъ нихъ имѣютъ болѣе сходства между собою, а прочіе (или одинъ Академическій) болѣе рѣшительно отъ нихъ отличаются? Или нѣкоторые экземпляры *совершенно* сходны между собою, а другая часть ихъ отличается отъ первой? Вѣроятно послѣднее.

Во всякомъ случаѣ для подтвержденія словъ предисловія къ 1 т. Полнаго собранія законовъ уже существуютъ на лицо представители трехъ изданій Уложенія.

На этомъ бы слѣдовало и покончить рѣчь о числѣ изданій Уложенія въ XVII в., признавъ высказанную г. Загоскинымъ мысль весьма не новою, исправивъ его утвержденіе о двухъ изданіяхъ положеніемъ, что ихъ было три и отвергнувъ его догадки о причинахъ повторительнаго изданія Уложенія, якобы вызваннаго церковными реформами XVII в.

Но мы не можемъ оставить этого вопроса безъ одного замѣчанія. Намъ не представлялось случая сличать разные экземпляры старопечатнаго Уложенія. Быть можетъ они столь различны, что устраняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что это не различные экземпляры, а различныя изданія. Но нѣкоторыя соображенія, дающія болѣе связи съ исторіею права этому вопросу чисто библіографическаго характера, заставляютъ насъ въ видѣ догадки взглянуть на дѣло съ иной стороны.

На самомъ подлинникѣ Уложенія, подписанномъ чинами земскаго собора, сдѣланы уже отмѣтки противъ нѣкоторыхъ статей (111-й и 189 гл. X и 40-й гл. XVI): „попомнить," „поговорить о той статьѣ съ бояры," „поговорить съ бояры."

Далѣе есть (давно уже извѣстные) факты, доказывающіе, что вскорѣ по выходѣ печатнаго Уложенія въ немъ производились частичныя измѣненія безъ предпріятія новаго изданія. Часть листовъ его вырѣзывалась (въ экземплярахъ бывшихъ подъ рукою въ Москвѣ) и замѣнялась новыми. Очень рельефный фактъ этого рода есть мѣстническое дѣло между гостями и дьяками 1649 г. Гости жаловались царю на дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, что они въ Уложенной книгѣ написали чинъ ихъ ниже всѣхъ другихъ чиновъ и въ томъ числѣ ниже дьяковъ, „желая ихъ гостей затѣснить."

Челобитная гостей была уважена; она помѣчена думнымъ дьякомъ 157 (1649) года *августа 17 дня*, и отослана (по приказанію государя), на печатный дворъ къ дьяку Михаилу Ерофѣеву; „и по той челобитной Михайло Ерофѣевъ въ книгѣ въ Соборномъ Уложеньѣ листы перепечатывалъ, гостей выше дьяковъ поставилъ“ (П. С. З., № 247, 1659 г. апр. 20) [1]).

Г. Загоскинъ совершенно справедливо видитъ здѣсь не указаніе на новое изданіе Уложенія, а на перепечатку лишь нѣкоторыхъ ли-

---

[1]) Этотъ актъ извѣстенъ г. Загоскину и приводится имъ въ примѣч. 1 къ стр. 71. Лѣтъ 12 тому назадъ покойный Пригара приводилъ тотъ же актъ въ своемъ „Опытѣ состоянія городскихъ обывателей“ (Спб. 1868 г. стр. 32). Вообще актъ этотъ цитировался не разъ въ разныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Тѣмъ не менѣе Петербургскіе археологи *открыли этотъ актъ въ Полномъ собраніи законовъ*. Говоримъ это по поводу слѣдующаго мѣста въ отчетѣ институтскихъ археологовъ о поѣздкѣ въ Москву: „Мы главнымъ предметомъ своихъ занятій избрали сличеніе подлинной рукописи съ старопечатнымъ изданіемъ уложенія, что производилось ежедневно до 27 іюля, за исключеніемъ субботнихъ и воскресныхъ дней, которые были употребляемы частію на чтеніе документовъ Архива Министерства Юстиціи, частію на розысканіе и собраніе матеріаловъ въ другихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ. *Изъ пріобрѣтеній этого рода особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:* 1) Одинъ изъ нашихъ товарищей, просматривая 1 томъ Полнаго собранія законовъ, *наткнулся* на боярскій приговоръ 1659 года апр. 20 о бытіи чина дьяка честью выше гостиного имени (№ 247).“ Затѣмъ слѣдуетъ довольно подробное изложеніе упомянутаго акта, и въ заключеніе говорится: „*Важность приведеннаго акта очевидна:* не говоря уже о значеніи его для исторіи мѣстничества, *имъ опредѣляется время печатанія одного изъ изданій уложенія 1649 года*“ (Сборн. 9—10). Что издатели признаютъ важность такой находки не для нихъ, а для науки, это очевидно изъ того, что въ слѣдъ затѣмъ подъ № 2-мъ (ихъ открытій) помѣщено дѣйствительно важное для науки открытіе упомянутой выше записи въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора. Впрочемъ, можетъ быть мы и ошибаемся; можетъ быть слушатели института въ отчетѣ своему директору должны были излагать весь процессъ собственныхъ преуспѣяній въ изученіи исторіи. Въ такомъ случаѣ спѣшимъ взять назадъ сказанное въ началѣ этого примѣчанія. Ошибка ихъ относительно важности этого акта для опредѣленія времени печатанія *одного изъ изданій* уложенія, будетъ сейчасъ указана въ текстѣ.

стовъ его и говоритъ: „дьяку печатнаго двора Михаилу Ерофѣеву велѣно было перепечатать соотвѣтствующіе листы Уложенія, поставивъ при этомъ чинъ гостей выше дьяковъ.“ При этомъ конечно такая перепечатка могла быть сдѣлана не во всѣхъ экземплярахъ. Уложеніе вышло изъ печати уже 20 мая; прошеніе же гостей помѣчено лишь 17 августа; безо всякаго сомнѣнія экземпляры Уложенія въ этотъ промежутокъ времени были уже разосланы по подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ. И дѣйствительно есть на лицо экземпляры, гдѣ перепечатокъ въ пользу гостей нѣтъ. Далѣе г. Загоскинъ также вѣрно заключаетъ, что „должны существовать экземпляры перваго изданія Уложенія, въ которыхъ тѣмъ не менѣе.... перепечатаны листы согласно съ прошеніемъ гостей.“

Насколько эти заключенія справедливы, на столько выводъ петербургскихъ археологовъ ошибоченъ. По жалобѣ гостей велѣно было не перепечатать вновь Уложеніе, а „въ книгѣ въ Соборномъ Уложеньѣ листы перепечатать.“

Вотъ, по нашему мнѣнію, весьма характерный частичный случай для уясненія разницы въ экземплярахъ старопечатнаго Уложенія вообще. Законодательная дѣятельность не закончилась подписью чиновъ собора на свиткѣ Уложенія. Тотчасъ же возникли вновь вопросы объ исправленіи и измѣненіи буквы или текста кодекса въ разныхъ его мѣстахъ. Законодательствующая власть, оставшаяся послѣ распущенія собора, т. е. царь и дума, каждый разъ разрѣшали такіе вопросы и каждый разъ приказывали перепечатывать соотвѣтствующіе листы въ Уложеніи.

Г. Загоскинъ имѣлъ экземпляры старопечатнаго Уложенія двухъ типовъ, редакторы Полнаго Собранія Законовъ, а за ними институтскіе археологи отмѣтили три; мы не будемъ удивлены, если при дальнѣйшихъ сличеніяхъ найдется четыре или болѣе отмѣнъ въ такихъ экземплярахъ. Но это, очевидно, не отдѣльныя *изданія*.

Другое обстоятельство, подтверждающее нашу мысль, заключается въ слѣдующемъ. Существуютъ экземпляры старопечатнаго изданія Уложенія, въ которыхъ нѣкоторые листы явно перепечатаны. Одинъ изъ такихъ экземпляровъ (принадлежащій казанскому профессору Д. А. Корсакову) былъ въ рукахъ у г. Загоскина и, по словамъ его, именно наводитъ на мысль о перемѣнѣ и вставкѣ въ него нѣкоторыхъ листовъ послѣ окончанія печатанія. „Такъ напр. на 64 листѣ наборъ какъ бы искусственно подогнанъ для окончанія предисловія на его оборотѣ;

бумага и наборъ 91 и 92 листовъ рѣзко отличаются отъ предыдущихъ и послѣдующихъ; на послѣднихъ двухъ листахъ нѣтъ нумераціи ихъ, которая приписана уже чернилами" (стр. 79, прим. 1). Между тѣмъ на этихъ перепечатанныхъ листахъ стоятъ не тѣ статьи, о которыхъ намъ извѣстно, что они должны были быть перепечатаны по распоряженію верховной власти. Очевидно, что кромѣ извѣстныхъ намъ статей, перепечатка которыхъ была разрѣшена царемъ и думою, были перепечатаны и другія (конечно, также не безъ вѣдома верховной власти).

Третье обстоятельство, ведущее къ той же догадкѣ, это то, что всѣ экземпляры всякихъ типовъ одинаково были распространены и примѣнялись къ дѣлу въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ. Въ рукахъ того же г. Загоскина былъ рукописный экземпляръ Уложенія. Онъ списанъ въ 1-й половинѣ XVIII в. съ такъ называемаго перваго изданія Уложенія (т. е. неисправленнаго или „майскаго," по терминологіи институтскихъ археологовъ). Зачѣмъ списывалось Уложеніе? Конечно, не изъ литературной любознательности, а для практической надобности въ присутственныхъ мѣстахъ. Хотя бы экземпляры рукописныхъ Уложеній были и въ частныхъ рукахъ (какъ упомянутый сейчасъ экземпляръ), но и частныя лица списывали и пріобрѣтали ихъ не для литературнаго наслажденія. Замѣчательно, что въ этомъ самомъ экземплярѣ, списанномъ съ изданія 1649 года, предисловіе сходно не съ этимъ, а съ послѣдующимъ (мнимымъ вторымъ) изданіемъ XVII в. Между тѣмъ на послѣдней его стр. замѣчено: „Сіе Уложеніе съ печатнымъ чтено слово въ слово" (что, замѣтимъ мимоходомъ, указываетъ, что экземпляръ первоначально принадлежалъ оффиціальному мѣсту). Слѣдуетъ предположить, что были и такіе печатные экземпляры Уложенія, которые заключая въ себѣ главный текстъ безъ отмѣнъ отъ первопечатнаго, имѣли предисловіе уже съ отмѣнами. Г. Загоскинъ проводитъ догадку, что такія композиціи производились раскольниками—старообрядцами. Но съ какою цѣлію? Зачѣмъ до Никоновскій текстъ Уложенія потребовался для раскольничьихъ цѣлей? Зачѣмъ, списывая его, раскольникъ маскировалъ его предисловіемъ послѣдующихъ изданій?

Очевидно, что всякіе экземпляры Уложенія всякихъ типовъ были распространены и дѣйствовали одинаково, что правительство, перепечатывая Уложенія по частямъ, не дѣлало тѣмъ новыхъ изданій, не

отбирало экземпляровъ прежде разосланныхъ для замѣны новыми, не считая сдѣланныхъ перемѣнъ важными и существенными (онѣ и въ дѣйствительности таковы).

Наконецъ нашею догадкою удовлетворительно разрѣшается вопросъ *о мнимомъ замаскированіи* вторыхъ изданій, поддѣлкѣ ихъ подъ первое: перепечатывая по листамъ, естественно приходилось поддѣлываться но не по разсчетамъ политическимъ, а по разсчетамъ метранпажа.

Повторяемъ, что мы высказываемъ эту догадку въ видѣ вопроса и предположенія, не имѣвши возможности произвести самостоятельное сличеніе разныхъ экземпляровъ Уложенія XVII в. Быть можетъ наша догадка не оправдается. Мы только желаемъ навести поиски лицъ, благопріятнѣе поставленныхъ, на этотъ путь, находя не разрѣшимыми многія затрудненія, къ которымъ ведетъ мысль *о многихъ изданіяхъ* Уложенія въ XVII в.

М. Владимірскій-Будановъ.

Кіевъ, 1880 года.
Февраля 8.

Оттискъ изъ Университетскихъ извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.